

Ильина Ю. Н. *Дуть слова*: этнолингвистическая характеристика обрядового термина / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. – 2014. – № 4 (28) : Филология. – С. 30–41.

УДК 81:39+811.161.1'282.2(470.13)

***Дуть слова*: этнолингвистическая характеристика обрядового термина¹**

Ю. Н. Ильина

Рассматривается зафиксированное в лоемском диалекте Республики Коми терминологическое словосочетание *дуть слова* в значении 'воздействовать на кого-л. с целью причинения вреда или оказания помощи'. В качестве ведущего принципа номинации в нем выступает способ производимого колдуном или ворожеей действия. Предметом внимания автора становится этнокультурное содержание анализируемого выражения. Констатируется общность между акциональным и вербальным кодом в выражении этнокультурных смыслов. Основное внимание уделяется глаголу *дуть* как стержневому компоненту словосочетания. Доказывается, что обрядовый термин *дуть слова* включает в себе несколько базовых для традиционного народного мировидения идей. Во-первых, подчеркивается значение представлений о голосе человека (уже – слове) как особом объекте в ряду звуковых знаков традиционной культуры. Во-вторых, принимается во внимание идея порождения чего-либо посредством образования направленной струи воздуха, ср. выражение *Бог дунет – всё будет*. В-третьих, автор комментирует представления о ряде важных признаков ветра, с образом которого семантически сопрягается образная основа рассматриваемого выражения. Ветер (*дутье*) мыслится как средство причинения вреда или оказания помощи кому-либо, посредник при передаче информации от адресанта к адресату в ситуации заговора.

Ключевые слова: традиционная духовная культура Русского Севера; обрядовый термин; культурная семантика; принцип

¹ Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РГНФ: № 14-14-11003 а(р).

номинации; диалектная лексика; заговор; действия колдуна;
дуть слова.

В лоемском говоре – речи жителей старого русского села на берегу р. Лузы в Прилузском районе Республики Коми – зафиксирован такой обрядовый магический термин: словосочетание *дуть слова*, которое употребляется в значении ‘воздействовать на кого-л. (посредством слова) с целью причинения вреда, чаще – для оказания помощи’: *Ходили к знахаркам. Знахарки у нас здесь были – старушки очень-очень знающие были. Особенно из-за детей из-за маленьких ходили много. Детишки не спят. Никак сна не хватает. Дома полечат-полечат что-то и идут к знахарке, чтобы она слова подула.* [ФА СыктГУ 13386-20]; *Паранька у нас тоже знала, она слова эти дула* [ФА СыктГУ 13317-13]; *Бабушки лечили... А тут всё бабушки слова дули да всё да каки. Ак они тоже не сказывали, чё говорили дак* [ФА СыктГУ 13346-10].

Важно и общепринято положение этнолингвистики о том, что трансляторами этнокультурной информации, равноправными и равноценными относительно друг друга, являются как сами действия участников обрядового акта (старушек-знахарок в данном случае) и слова, произносимые ими при этом (заговорные тексты), так и лексемы, называющие таких лиц, их действия, отношения, ритуальные предметы и т. п. Рассмотрим семантику словосочетания *дуть слова* в этом аспекте – как источник для представления и изучения традиционной духовной культуры Русского Севера.

Все глагольные лексемы с общим значением ‘воздействовать на кого-л. с целью причинения вреда или оказания помощи’, отмеченные в лоемском говоре, в зависимости от принципа номинации могут быть разделены на несколько групп. В каждой из них выявляется свой признак (набор признаков), который воспринимается как наиболее существенный для определения специфики обозначаемого ими действия. Дадим общий обзор таких групп.

В первую группу входят глаголы, словообразовательно связанные с субстантивами, называющими человека, который способен влиять на самочувствие другого, ход его жизни, состояние дел: *ворожить* (ср. *ворожея*, *ворожейка*), *колдовать* (ср. *колдун*), *еретничать* (ср. *еретник*).

Вторая группа включает глагольные номинации, которые называют достигаемый воздействием, как правило, неблагоприятный результат: *вредить*, *(на)пакостить*, *портить*.

Особая группа, в состав которой попадает и словосочетание *дуть слова*, в качестве ведущего принципа номинации использует способ производимого колдуном, еретником или ворожейкой действия: воздействие на кого-л. осуществляется посредством взгляда, *глаза / ненависти* [ФА СыктГУ 13386-15] и / или слов, речи. Последний способ воздействия имеет в говорах, в лоемском в том числе, достаточно широкий ряд воплощений лексическими единицами. Этот ряд составляют, с одной стороны, глагольные лексемы типа *наговорить*, *заговаривать*, *приговаривать / пошептать*, *наи́днтывать / изурочить*; с другой – словосочетания, зависимым элементом в которых является существительное *слово* (реже – лексемы, отражающие спецификацию слов, например, *молитва*): *лечить словами*, *лечить молитвами*, *дуть слова*.

В спонтанной речи самих жителей с. Лойма актуализируются составляющие всего указанного арсенала глагольных номинаций: *Молитвы тоже чё-то приговаривала... Слова тоже чё-то говорила... на воду наи́днут, а потом водой этой умываешь ребенка...* [ФА СыктГУ 13317-9].

Рассматриваемое нами терминологическое словосочетание *дуть слова* воплощает в себе несколько базовых для традиционного мировидения идей.

В первую очередь в нем актуализируется общее представление о голосе человека как особом объекте в ряду звуковых знаков традиционной культуры. Компонент *слово* в народном термине, называющем

ситуацию, когда происходит ритуализация речевой деятельности человека, очевидно выражает известную идею: в качестве инструмента воздействия на мир, его магического преобразования функционирует именно процесс говорения-деяния и его результат слово-дело [Топоров, 1993, с. 13]. Сама лексема *слово* (*словинка*) в некоторых говорах имеет значение ‘заговор, наговор, заклинание’ [СРНГ, 38, с. 293, 295]. При этом произносимое слово оказывается опасным не только для его адресата, но и для адресанта: ср. пермское выражение *от слова не доспейся* ‘восклицание, которое должно отвести беду от говорящего’ [СПГ, т. 1, с. 229].

В лексическую группу со значением ‘воздействовать на кого-л. посредством слова’ входят глаголы говорения, которые обозначают разные модификации человеческого голоса. Так, если в номинациях *наговорить*, *заговаривать* корень выражает общий смысл ‘владение речью’, то префиксы *на-* и *за-* маркируют произнесение текстов по степени интенсивности: (говорить) много или длительно, многократно повторяя. В глаголах *пошептать*, *нашáптывать*, напротив, прежде всего сама корневая морфема специфицирует произнесение текстов: (говорить) тихо, шепотом. В результате актуализируется идея особого качества произносимого в магическом обрядовом акте слова – специально маркированного, отличающегося от обычного.

Глагол *дуть* – стержневой компонент рассматриваемого обрядового терминологического словосочетания – включается в этот же ряд глаголов говорения, причем в самом широком, общем, неспециализированном смысле. Его исходное значение ‘выпускать изо рта направленную струю воздуха’ [СлРЯ, т. I, с. 454] описывает само произнесение слов, механизм речепроизводства: человек говорит на выдохе, струя воздуха проходит через гортань и заставляет вибрировать голосовые связки.

Отметим, что сема ‘трясти, сотрясать, колебать (например, *воздух*)’ заложена в самом этимоне глагола *дуну*, *дунуть* и обнаруживает себя, согласно этимологическим словарям, например, в значениях

однокоренных образований других индоевропейских языков [Фасмер, т. I, с. 306]. Представление «физиологии» процесса говорения находим также в литературном устойчивом выражении *сотрясать воздух* – это тоже ‘говорить что-л., но высокопарно, громко, негодуя, обличая и впусую’.

Возвращаясь к материалу народной речи, укажем, что словарями зафиксирован еще один случай реализации глаголом *дуть* значения ‘говорить’: *дуть кому в уши* значит ‘наговаривать, переносить’ [Даль, т. I, с. 503]. Идея устного сообщения здесь также является главной, только акцент смещается с передаваемого по воздуху предмета – со слова – на достигаемую им цель – именуемого объекта (*кому*) и его орган слуха (*в уши*). Кроме того, ситуация воздействия на кого-л. в магическом акте посредством слова может быть представлена в диалектах также и с другой стороны – не со стороны говорящего, а со стороны объекта, человека, на которого оно направлено: так, в пермских говорах отмечено сочетание *принимать слова* ‘(кому-л.) лечить болезни у знахарки’ [СПГ, т. 2, с. 211].

Глагол *дуть* в народной речи употребляется и в контекстах, не связанных с говорением непосредственно – через синтагматическую связь со словами семантического поля ‘речь, ее порождение и восприятие’ (типа *слово, уши* и т. п.). Вместе с тем в них заключается общая идея создания, порождения чего-л. посредством образования направленной струи воздуха: например, в выражении *Бог дунет – всё будет* [Даль, т. I, с. 503]. Употребление глагола *дуть* в данном контексте, с одной стороны, может быть проинтерпретировано в «словесном / речевом» ключе, с опорой на библейское «В начале было Слово»: Бог скажет – всё будет. С другой стороны, это изречение, вероятно, можно сопоставить с выражаемым разными культурными кодами представлением о дыхании / душе (пнеума) – тоже струе воздуха – как неотъемлемой характеристике живого существа, самой субстанции жизни [СД, т. 2, с. 162]: Бог вдыхает / вдувает в человека душу – так же он способен одушевить / осуществить что угодно.

Если вернуться к интерпретации употребления сочетания *дуть слова* для обозначения магического обрядового акта заговора, нельзя не обратить внимание на то, что оно может поддерживаться самой обрядовой практикой, реальными действиями заговаривающих. При произнесении такого текста исполнители могут обдуть человека, над которым они произносят слова, обмахивать его пером, метелкой из растений и трав [Кляус, 2000, с. 27–28].

В этот же ряд акций можно, вероятно, включить такое действие заговаривающих, которое обозначается как *(по)дуть на воду*: *У сына личико начало краснеть да всё. Никак лекарства, ничё не могли сделать... Бабушка одна тут у нас была... Эту бабушку натокали: «Своди к бабушке!». Мы сводили его. Она **подула на водичку**, поумывали – всё прошло... [ФА СыктГУ 13359-13]. Как кажется, в данном контексте глагол уже не имеет «словесной / речевой» подоплеки: со стороны действие заговаривающего и может выглядеть как выпускание через рот струи воздуха, но неструктурированной, не членимой на смысловые отрезки.*

Вместе с тем единичные примеры, зафиксированные еще в середине XIX века, отражают память о «полносоставном» выражении, которое можно реконструировать как *дуть слова на воду*. Конструкция *слова тила* в значении ‘пить воду, над которой шептали заговор’ представляет собой результат своеобразного развития метонимического значения лексемы *слова*: от значения ‘средство воздействия на предмет-посредник’ к номинации самого предмета (воды в данном случае) [СРНГ, т. 38, с. 295].

В своем употреблении словосочетание *(по)дуть на воду* соотносится с такими контекстами, частотными в народной речи: *Ну, вот я, например, ходила к ней из-за коровы. Корова малая, когда отелится – молоко не отпускает – идёшь к ней... К ней придёшь, она **на кусок** это всё **сделает**, куды-ко завернёт, иди, ни с кем не разговаривай до самого до дому [ФА СыктГУ 13354-12]. Конструкция *сделать на что-л.* (то есть использовать некий предмет как носитель передава-*

емой вредоносной или лечебной информации) выступает в качестве инварианта к другим возможным конкретным его воплощения: не только *подуть на водичку*, но и *сказать на соль, на хлеб, на́, шептать на кусочек, читать на воду*.

Возможное отсутствие в словосочетании со стержневым компонентом *дуть* зависимого слова можно, вероятно, объяснить другим, уже указанным, культурным потенциалом у действия дуновения-дыхания: это не столько говорение, сколько во-площе-ния, овеществление особых знаний (ср. *Бог дунет – все будет*). Возможно, проявлением памяти о таком, как правило, спасительном способе избавления от боли является сохранившаяся до сих пор и напрямую не связанная с медицинскими показаниями традиция для облегчения боли дуть на рану, поврежденное место.

Итак, конструкция *дуть слова* в речи лоемцев используется в двух синтаксических вариантах:

а) с существительным в объектном значении (оно называет предмет-посредник между адресатом и адресантом или саму причину беспокойства): *К ней все ходили издалека, издалека все ходили ти... Вот она слова дула. Вот на воду да на сахар да... Она мне и не сказывает, какие слова она дует тут. Вот такая она хорошая старуха была. Все ходили к ей* [ФА СыктГУ 13348-43];

б) без существительного в объектном значении: *Тожэ я ходила к бабке – слова дула, а потом опеть всё прошло... Это бабка там у Макаровичей была. Бабка – слова дула, она по-хорошему дула, не скажешь худое...* [ФА СыктГУ 13317-13].

Как кажется, во втором варианте посредствующее между отправителем и получателем звено вербально не обозначено, поскольку оно в ситуации произнесения заговорного текста очевидно и связано с самой природой говорения.

Смежным с глаголом *дуть* в языке и традиции в целом оказывается *ветер*. Для подтверждения этой мысли можно привести первое значение глагола *дуть*, фиксируемое толковыми словарями, – ‘произ-

водить течение воздуха; о ветре⁷ или одно из переносных его значений – ‘быстро передвигаться, нестись, как ветер’ [Даль, т. I, с. 503]. Корень самого слова *ветер*, кроме того, по данным этимологического словаря П. Я. Черных, имел исходное значение ‘веять, дуть’ [Черных, т. I, с. 147].

На очевидную связь действия по порождению потока движущегося вредоносного или спасительного воздуха и самого этого потока указывает еще ряд языковых фактов. Рассказы о народной магии, в том числе в Лойме, регулярно включают в себя контексты с лексемами *ветер / воздух*, реализующие то же значение, что и *дуть слова*: *А всё равно дело делали так – по воздуху...* [ФА СыктГУ 13349-10] (ср. также вятск. *по ветру пускать* ‘портить людей’ [СД, т. 1, с. 360]). Наконец, сами названия некоторых болезней в русском языке производны от слова *ветер*: *ветрянка*, или *ветряная оспа*; *поветрие* (в значении ‘эпидемия’ [СД, т. 1, с. 360]); *ветерный перелом* ‘глазное заболевание’ (*Выйдешь, ветер неприятный подует, вот и схватишь ветерный перелом*) [СГРС, т. 2, с. 81].

Итак, ветер мыслится как средство причинения вреда или оказания помощи кому-л., посредник передачи информации от адресанта к адресату в ситуации заговора. Такое представление связано с рядом релевантных признаков-примет ветра, которые обнаруживают себя посредством разных культурных кодов, вербального в том числе.

Прежде всего, ветер принадлежит, согласно языковым данным, сфере чужого, «иномирного» и опасного, то есть противоположного своему, домашнему: *выходить (не выходить) на ветер* значит ‘выходить (не выходить) из дому’ [СРНГ, т. 4, с. 192], *с ветру*, соответственно – ‘с улицы’ [СПГ, т. 1, с. 91–92]. В говорах Сибири ‘пришлого, чужого’ называют *человеком с ветру* [ФСГС, с. 25]. Отрицательная культурная коннотация ветра как «не-своего» находит выражение в устойчивом словосочетании *слова с ветру* ‘непристойные слова’ [СРНГ, т. 38, с. 294], а предельное проявление получает в диалектном значении самой лексемы *ветер* – ‘по суеверным представлениям – нечистая сила’

[СРНГ, т. 4, с. 192]. Последнее значение находит поддержку в широко распространенных в разных традициях нарративах о смерти и похоронах колдуна: *Колдуний много было... На хорошее ничего не могли – только на плохое... Тяжело умирают. Попрощались мы. Стою тут у магазина, смотрю, как они выносят. Только ее начали выносить, вы знаете, какой ветер стал. Я думала вон ихние эти – у них тополя видели какие – они чуть не до землигнулись. Её на машину поставили, увезли – стихло, ничего не стало... Я у магазина стояла, думала: меня унесет вон туда, в поле...* [ФА СыктГУ 13353-8].

Кроме того, при выявлении вербальных способов реализации признака «чужести» в наивной, народной характеристике ветра можно обратить внимание также на отмеченное в пермских говорах восклицание *басню на ветер!* в значении '(произнести) слова, способные отвести бедствие, о котором говорится в данный момент, от говорящего, его семьи, дома' [СПГ, т. 1, с. 24] – сказанное, а значит помысленное и способное осуществиться, нужно исключить из сферы своего, и сделать это можно посредством ветра.

Таким образом, ветер в народной культуре – это одновременно и среда-посредник между своим и чужим мирами, и средоточие чужого и потому опасного для человека.

Вторая важная характеристика ветра в народном сознании – его невидная человеку, незримая природа, которая соотносится с такими приписываемыми ветру качествами, как анонимность и потому «безответственность». Последний признак – 'безответственный, не отвечающий за свои поступки и слова' – выражается в языке самыми разными способами и закрепляется главным образом в характеристиках людей. К ним относится, например, производное от *ветер* прилагательное *ветренный* (о человеке) 'легкомысленный, непостоянный' [СлРЯ, т. 1, с. 158] и целый ряд широко известных устойчивых сочетаний типа *бросать слова на ветер* 'легкомысленно (без основания, не подумав) говорить', *ветер в голове* 'о легкомысленном отношении к жизни' [Там же] и т. п.

Другая сторона незримости ветра – анонимность, безымянность, неизвестность производителя действия – обнаруживает себя в сочетаниях *какой ветер занес* ‘о неизвестной причине чего-л.’ [СлРЯ, т. 1, с. 158] или *ветром надуло* ‘о забеременевшей вне брака’. В последнем случае очевидно пересечение данных языка с формулами фольклорных текстов, причитаний в частности, о несчастном, сиротском, детстве причитывающей: *Я не дитя была вам, видно, не сердечная, / Я не отцом была, видно, засеяна, / Я не матерью спорожена, / Меня, видно, засеяли да ветры буйные, / Меня спородила да мать-сыра земля* [РНБЛ, № 5]. Приведенное выше выражение *с ветру* фиксируется в пермских говорах и в значении ‘неизвестно откуда’ [СПГ, т. 1, с. 91–92]. Эта идея сокрытия производителя действия, связанная с языковым образом ветра, поддерживает глагол *дуть* в рассматриваемом сочетании со значением ‘воздействовать на кого-л.’, поскольку речь идет о скрываемых, специально не выставляемых напоказ знаниях (ср. такое обозначение заговора – *тайная словечка* [СРНГ, т. 38, с. 292]).

Итак, народные обрядовые термины, в частности обозначающие процесс воспроизведения тех или иных магических текстов, являются важными источниками этнокультурной информации. Для большинства культурно-языковых традиций, лоемской в том числе, при обозначении процесса воздействия на кого-л. с целью причинения вреда или оказания помощи типично использование глаголов говорения, поскольку произнесение слова является обязательным условием заговора.

В лексическом ряде лоемских названий этого процесса сочетание *дуть слова* занимает особое место. Во-первых, оно включает в себе инвариантный смысл порождения человеком речи вообще – через вербальное представление его физиологической основы. Во-вторых, это устойчивое выражение прочно внедрено в лексическую парадигму названий магического обрядового акта: за счет трансформаций – сохранения или сужения лексического состава – оно вклю-

чается в разные ряды номинаций с общим значением ‘воздействовать на кого-л. с целью причинения вреда или оказания помощи’ (с одной стороны, *дуть слова на что / кого-л.* – так же, как *шептать* или *читать слова*, с другой стороны, *(по)дуть на что-л.* – так же, как *разбить* или *защитить что-л.* в магической практике). Наконец, семантически сопрягаясь с *ветром*, обрядовый термин *дуть слова* воплощает идею произнесения-деяния человека, скрывающего свои знания, через пространство, разделяющее области своего и чужого.

Источники и принятые сокращения

1. Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. I–IV.
2. РНБЛ – *Русская народно-бытовая лирика* : причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. – Москва – Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. Ленинградское отделение, 1962. – 568 с.
3. СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011. – Т. 1–5.
4. СД – *Славянские древности: этнолингвистический словарь* : в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1995–2012. – Т. 1–5.
5. СлРЯ – *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1985–1988. – Т. I–IV.
6. СПГ – *Словарь* пермских говоров : в двух томах / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. – Пермь : Книжный мир, 2000–2002. – Вып. 1–2.
7. СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. – Москва ; Ленинград, 1965–2010. – Вып. 1–43.
8. ФА СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного уни-верситета (хранится в Сыктывкарском государственном университете, Сыктывкар)
9. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; под ред. О. Н. Трубачева. – Санкт-Петербург : Азбука, 1996. – Т. I–IV.
10. ФСГС – *Фразеологический* словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. – 232 с.

11. Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов : в 2 томах / П. Я. Черных. – Москва : Русский язык, 1994. – Т. 1–2.

Литература

1. *Кляус В. Л.* Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении / В. Л. Кляус. – Москва : ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. – 192 с.

2. *Топоров В. Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры : загово-вор. – Москва : Наука, 1993. – 240 с.

© **Ильина Юлия Николаевна (2014)**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии, Сыктывкарский государственный университет (Сыктывкар), juli_il@rambler.ru.